

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА: ИСТОРИИ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ

Отчет о круглом столе

24 сентября в Минске прошел экспертный круглый стол: “Болонский процесс и реформы высшего образования в странах Восточного партнерства: истории успехов и неудач”. Представители Азербайджана, Армении, Грузии, Беларуси, Украины и ЕС обсуждали вопросы истории реформ образования в своих странах и перспективы будущих трансформаций.

Вся история высшего образования в странах Восточного партнерства в последние четверть века представляет собой более или менее успешные попытки реформ и построения новой системы высшего образования. Унаследовав общую модель советского образования, новые независимые страны были вынуждены перестраивать ее, адаптируясь к новым национальным и международным реалиям. Выбор путей развития оказался очень разным: от попыток замораживания всяких реформ, разных вариантов непоследовательных и незавершенных реформ, до радикальных трансформаций всей системы образования.

Насколько успешны были реформы высшего образования в странах Восточного партнерства? Как происходили эти изменения и что получилось в результате? Кто выиграл и кто проиграл от процесса реформ высшего образования? Какие уроки можно извлечь из совершенных ошибок и достигнутых успехов? Какую роль в трансформациях высшего образования играло вступление страны в Болонский процесс? Эти и другие вопросы были в фокусе внимания участников круглого стола.

Докладчики:

Тамаз Марсагишвили, заместитель министра образования Грузии

Тарас Фиников, Президент Международного фонда исследований образовательной политики и экс-заместитель Министра образования Украины (1991-2001)

Лива Викмане, вице-президент Европейского союза студентов (ESU)

Ара Недолян, представитель Ереванской школы методологии и игротехники

Парвиз Багиров, руководитель национального офиса Erasmus в Азербайджане

Светлана Мацкевич, эксперт Агентства гуманитарных технологий, Беларусь

Участники дискуссии:

Ян Садлок, президент Международной обсерватории по академическому ранжированию и превосходству IREG Observatory, бывший директор Европейского центра высшего образования (ЮНЕСКО-СЕПЕС, 1999-2009) и руководитель Департамента политики в области высшего образования ЮНЕСКО, г.Париж (1992 – 1999)

Влад Величко, со-председатель Руководящего комитета Форума гражданского общества Восточного партнерства

Модератор: Андрей Егоров, директор Центра европейской трансформации, Беларусь

Украина: сложный путь реформ

По мнению Тараса Финикова, Президента Международного фонда исследований образовательной политики и экс-заместителя Министра образования Украины первое десятилетие независимости Украины (1991-2001) было связано с быстрыми трансформациями той части системы высшего образования СССР, которая была на территории УССР. Это привело к деидеологизации и демилитаризации образования, переходу к массовому высшему образованию, гуманизации учебного процесса и гуманитаризации структуры подготовки специалистов, появлению частного сектора высшего образования и диверсификации источников его финансирования, началу формирования системы собственных образовательных стандартов и новой нормативной базы. Первый период завершился принятием Закона Украины «Про высшее образование» (2002 г.), который закрепил первые позитивные результаты модернизации высшей школы, но не дал ясных стратегий и инструментов ее дальнейшего развития в контексте Болонского процесса.

Второй период развития с 2002 года до системных трансформаций после «Евромайдана» в феврале 2014 года был наполнен рядом не слишком удачных попыток модернизации системы образования. В 2005 году Украина вошла в Болонское пространство, была внедрена кредитно-модульной система организации учебного процесса, улучшилась система государственного финансирования высшего образования. В то же время, практически весь период продолжались попытки пересмотра и разработки новой редакции Закона Украины «О высшем образовании», а Правительство и Министерство образования принимали довольно противоречивые документы. Тем не менее, стандарты болонской системы закреплялись в национальной системе образования, в частности после 2008 года произошло официальное введение Европейской кредитной-трансферной системы (ЕКТС) и ее ключевых документов, предоставление самостоятельности вузам в разработке учебных планов, была утверждена Национальная рамка квалификаций.

Интенсификация процесса реформ, в том числе и более последовательное внедрение системы Болонских стандартов, началась после революционных изменений в Украине в феврале-марте 2014 (третий период трансформаций). Летом 2014 г. С новой редакцией Закона Украины «О высшем образовании» расширяется пространство болонских стандартов, в частности происходит: коррекция структуры циклов национальной системы высшего образования (упразднение степеней «специалист», «кандидат наук», введение степени «доктор философии»); модернизация программ первого цикла (упразднение нормативных дисциплин, движение к более компактным учебным планам в подготовке бакалавров); введение короткого цикла высшего образования в новой форме (через подготовку младших бакалавров); развитие программ второго цикла (введение нового Перечня отраслей знания и специальностей (апрель 2015 г.), сокращение количества специальностей, увеличение их объема, имплементация образовательных программ увеличение объема магистерской подготовки до 3 – 4 семестров); замена аспирантуры системой подготовки докторов философии (весна 2016г.) (лицензирование докторантуры, введение образовательного компонента, увеличение периода подготовки с 3 до 4 лет, новации в процедурах защиты диссертаций, усиление внимания и требовательности к этике научной работы); поощрение развития совместных учебных и научных программ с иностранными партнерами.

Как отмечает профессор Фиников: «Это многое очень изменило. Мы заменили аспирантуру системой подготовки докторов философии и в этом году впервые в украинской истории мы произвели лицензирование этой подготовки, что было для научных учреждений нашей страны — академических, отраслевых — просто шоком, потому что они никогда в жизни не проходили через всю эту ломку костей в систему лицензирования и аккредитации».

Одним из важных направлений реформ в этот период становится изменение структуры управления образованием и развитие автономии университетов (март 2014 – сентябрь 2016 гг.). «Что дальше мы делали и продолжаем делать? Мы решили сделать совершенно нестандартную для нашей прежней ситуации вещь, мы решили ввести не одного, а двух агентов управления, двух акторов в систему управления научной и образовательной сферы. Кроме министерства мы создали Национальное агентство по обеспечению качества высшего образования. Это национальное агентство принимает на себя такую часть функций, как всё, что связано с аккредитацией программ и заведений; всё, что связано с разработкой стандартов их модернизации и их утверждением; всё, что связано с созданием, открытием, закрытием, наделением права ликвидации, права на деятельность разных специализированных ученых советов и всё, что связано с регистрацией полученных степеней, - говорит Тарас Фиников, - Сами степени теперь являются компетенцией самих высших учебных заведений. То есть все эти ваковские, квази-ваковские, псевдо-ваковские структуры — это исчезло».

Происходит существенное расширение университетской автономии в учебной, научной, кадровой и финансовой сферах. Появляются более широкие возможности для студентов влиять на формирование своего учебного плана и участвовать в управлении вузов. В университетах происходит создание реальных механизмов обновления академического менеджмента и омоложения преподавательского персонала. Однако, не всегда этот процесс идет безболезненно: «В учебной, научной работе это получается относительно неплохо, в кадровой это встречает достаточно сильное сопротивление, поскольку возникает много непониманий внутри вузов и министерстве, но это мы движемся. Наисложнейшим оказалось наделение вузов автономией в финансовой сфере. Вся система казначейского обслуживания, планирования бюджета создают колоссальные препятствия на этом пути. Два года, прошедших после принятия этого закона, - это постоянные усилия по расширению сферы финансовой автономии вузов. Это сейчас один из главных пафосов всей нашей борьбы», - утверждает профессор Фиников.

Не менее показательна и история формирования Национального агентства по обеспечению качества высшего образования. Как отмечает докладчик: «Когда это агентство задумывалось, оно задумывалось как реально независимая структура, поэтому была введена достаточно сложная процедура избрания членов этого агентства по квотному принципу и по отдельным куриям: столько-то членов от государственных вузов, столько-то от частных, столько-то от коммунальных вузов, столько-то от всех Академий наук, столько-то от организаций, работодателей и т. д. Все эти курии произвели свои выборы. Результат оказался крайне печальным. Эти курии избрали по большей части людей, которые очень мало чем могут реально похвастаться в сфере знаний систем обеспечения качества. По нашим оценкам из 25 членов этого славного агентства примерно 5-7 являются в этой сфере специалистами. То есть мы имеем 20 процентов тех, кто в это агентство попал исходя из своей квалификации. Остальные 18-20 человек — это люди, которые туда попали в качестве лоббистов интересов своих курий, и люди, которые туда попали исходя из разного рода договоренностей между участниками этих историй, когда, например, относительно слабые вузы проводили своих представителей, потому что они хотели иметь того, кто будет защищать их интересы, если они будут поставлены в ряд сравнения с относительно сильными. Нужен лоббист слабых, который будет рассказывать о том, что этот слабый только с виду слабый, а на самом деле ему нужно и так далее. К тому же в составе этого агентства оказался целый ряд людей, которые изобличены в плагиате, что особенно придает пикантность этой ситуации: борец за академическую честность, пойманный за руку как плагиатор — это, я бы сказал, зрелище не для слаонервных».

Не всегда просто реализуются задачи, связанные с внедрением Национальной рамки квалификаций. Как считает Фиников: «Мы провалились с рамкой квалификаций, потому что рамка квалификаций была у нас принята осенью 2011 года, появился план того, что нужно сделать для того, чтобы эта рамка была наполнена должным образом, потому что то, что у нас сегодня есть, я позволяю себе несколько вольно назвать национальной этажеркой квалификаций. Потому что есть конструкция, которая мало чем наполнена: этажерка есть, а с наполнением есть большие сложности. План, принятый в 2011 году и рассчитанный на 2011-2015 года, не был выполнен, фактически был провален. Отчасти он был провален потому, что не был никак ресурсно должным образом поддержан; отчасти потому, что там было провозглашено так много всего, что это физически сделать невозможно, а отчасти потому, что всё, что происходило в 2013-2014 годах в нашей стране, исключило возможность какого-то внимания органов государственной власти к этой деятельности».

Последние новации в реформе высшего образования Украины затрагивают такие вопросы как: реформирование лицензионно-аккредитационной системы, перенос акцентов с формальных требований на оценивание учебно-научной активности участников образовательного процесса; изменение критериальной рамки при присуждении научных званий, сосредоточение внимания на международно признанных результатах (СКОПУС, Web of Science); поощрение конкуренции между ВУЗами – введение открытого конкурса на получение мест государственного заказа (без частных ВУЗов); расширение зоны действия внешнего независимого тестирования (апробация поступления в магистратуру по праву через этот механизм); активное обсуждение необходимости построения новой стипендиальной системы (меньше популизма, старых подходов и уравнительности).

При очень интенсивном процессе реформ многие важные вопросы решить пока не удастся. Так, не удастся в должном темпе разрабатывать многие принципиально важные нормативные акты, не имеющие аналогов в прошлом; требует дальнейших усилий и сильной политической воли создание новой модели государственного финансирования вузов; не удалось запустить национальную систему обеспечения качества на всех уровнях; не сформированы адекватные современным условиям модели национального и исследовательского университета; не созданы методики нормативного финансирования вузов; не нашел решения вопрос предоставления целевых льготных государственных кредитов для оплаты обучения; требует стабилизации система регулирования поступления в высшие учебные заведения; □ требует ускоренного построения механизм внутренней саморегуляции академического сообщества, определения его этических приоритетов, налаживание профессиональных коммуникаций на поле утверждения академической честности.

Взгляд со стороны студентов

Лива Викмане, вице-президент Европейского союза студентов (ESU), сосредоточилась на вопросе оценки Болонского процесса студентами на основе доклада ESU “Bologna with students eyes” («Болонский процесс глазами студентов»). Это доклад готовится в конце каждого периода имплементации и связан с тем, что студенты не всегда согласны, что всё то, что происходит в учреждениях высшего образования, отражено в официальном имплементационном докладе. Поэтому ими придуман альтернативный доклад, который показывает точку зрения студентов.

Главные препятствия и главных рекомендациях, которые сформулированы в этом докладе, затрагивают:

- 1) **Социальные аспекты** и недостаток финансирования, которое находится на критическом уровне во многих странах Восточного партнёрства. Стоит начать с недостаточности данных, которые бы соответствовали цели расширения доступа к образованию и продолжения обучения. Главное препятствие, стоящее перед недопредставленными группами, это доступ к образованию, и даже если у них получилось поступить в высшее учебное заведение, не существует соответствующих поддерживающих механизмов для продолжения образования. Однако одной информации недостаточно, потому что нельзя проанализировать, по каким причинам студенты бросают обучение, потому что нет информации об этих причинах. Поэтому студенты также отметили, что социальный аспект не в приоритете у правительств, в отличие от качества образования и его интернационализации.

По этому вопросу есть ряд рекомендаций, которые применимы не только для стран Восточного партнёрства, но и для Европы в целом. Первое - это введение и дальнейшая имплементация планов доступности (access plans), которые прописаны в Ереванском коммюнике, но очень глубоко скрыты в приложениях к отчёту рабочей группы по социальному аспекту. Введение этих планов доступности должно быть существенно продвинуто, потому что эти планы являются прекрасными средствами для улучшения равного доступа к высшему образованию. Сбор данных должен быть улучшен, несмотря на то, что это может быть очень чувствительной темой, однако важно улучшить доступ к образованию и привлечь государственные средства к этому.

- 2) Следующая сфера - это **студентоцентрическая концепция обучения**. Как отмечает Лива Викмане: «И хотя мы знаем, что очень сложно ограничивать студентоцентрическую концепцию обучения, мы далеко пошли в принятии исправленной версии European standards and guidelines 2015, потому что в пункте 1.3 чётко указано "Учреждения должны гарантировать, что учебные программы будут вырабатываться с условием поддержки активной роли студентов в процессе их создания и обучения, и оценка успеваемости отражает этот подход". Во-первых, недостаточно, чтобы это было только на бумаге. Когда мы спросили наших членом (союзы студентов), то выяснили: 74 респондента ответили, что обычные студенты в их стране не знакомы со студентоцентрической концепцией. Поэтому мы не можем ожидать имплементации этой концепции, если сами студенты не знают, что это и какие принципы подразумевает. Мы видим, что очень редко у студентов есть глубокое понимание, какими должны быть результаты обучения и как их достичь».

Это также очень связано со структурными реформами, потому что ECTS должно увеличиваться согласно результатам обучения. Отсутствие процессов перехода учащихся не традиционными способами и недопредставленных групп в высшее образование является недостающим звеном. Если сравнить студентов очной (full-time) и заочной/вечерней (part-time) форм, то увидим, что признание этих студентов (part-time learners) на рынке труда находятся не в равных условиях. Финансовая поддержка part-time learners недостаточна, т. к. во многих случаях с них взимается плата за обучение, в то время как государство поддерживает студентов очной формы.

Механизмы доступности, гибкость, планы обучения не являются частью одного целого. То есть если у вас есть кто-то, за кем нужно присматривать, и вам требуется всё время быть на занятиях, то это не согласуется с принципом общедоступности. Когда мы посмотрим на методики обучения в высшем образовании, то мы не видим их широкого

разнообразия. Поэтому мы разработали одну из рекомендаций, которая гласит "Для того, чтобы должным образом реализовать студентоцентрическую концепцию обучения, должны быть гарантированы соответствующее финансирование и ресурсы, у учреждений есть ответственность гарантировать участие студентов во всех процессах принятия решений, штат (преподаватели) должны получать постоянную, непрерывную педагогическую подготовку, студентам должен предоставляться выбор в учебном расписании и системе оценивания - это ключевая структура студентоцентрической концепции".

Если обратить внимание на процесс внутреннего студенческого участия, то можно обнаружить явный недостаток в предоставлении информации о процедурах, а также об обратной связи к студентам, когда они дают рекомендации. Только 1/3 студентов вовлечена в процесс разработки рекомендаций. Когда мы смотрим на внешние гарантии качества, 4 из 38 респондентов полностью исключены из процесса, и эти студенческие союзы были в основном их стран Восточного партнёрства. 33 союза были вовлечены в той или иной степени, но не всегда признавались полноценными партнёрами, а 29 из 34 были признаны полноправными партнёрами.

Бюрократизация участия и отсутствие отношения к студентам как к равным партнёрам является серьёзным препятствием. У меня есть цитата от одного из респондентов нашего исследования, которая гласит: "Процесс очень бюрократизирован и требует продвинутого уровня знаний о процессе гарантии качества", что значит, что только студенты, имеющие доступ к необходимой поддержке, имеют возможность быть вовлечёнными в процесс оценки качества.

Процесс признания, даже признание традиционного образования является проблемой, т.к. существует недоверие не только между высшими образовательными учреждениями, но и также между разными странами. Во многих случаях недоверие основывается на отсутствии прозрачности в реализации структурных элементов, таких как ECTS. Когда мы говорим о институциональной автономии, то децентрализация и процесс принятия решений в высших учебных заведениях являются одними из ключевых аспектов для дальнейшей имплементации Болонского процесса.

Общеизвестный факт, что Болонский процесс улучшил уровень участия студентов на всех уровнях управления. При этом, в странах Восточного партнёрства студенты скорее видны, но не слышны как равные партнёры, и даже маргинализированны. Зачастую существуют различные культурно-национальные или административные препятствия к участию. Но культурные препятствия не законны, потому что нельзя сказать: «это в нашей культуре не вовлекать студентов, потому что они не знают или до сих пор не были активны». Это то, что подлежит изменениям. Часто в странах Восточного партнёрства коммуникация со студентами имеет вертикальную, а не горизонтальную структуру, поэтому равное участие не предполагается возможным. Европейский союз студентов рекомендует, чтобы студенты были вовлечены и гарантии этого факта были закреплены законодательно. Очень важно признание этого не только в законах, но и во всех процессах в высших образовательных учреждениях. Конечно же, студентам должен быть предоставлен доступ к необходимым тренингам, чем в большинстве случаев занимается студ. союзы, но студ. союзы должны иметь поддержку, чтобы функционировать, и функционировать свободно в открытом пространстве.

«И последнее, - отметила вице-президент ESU, - мы не можем ожидать от студентов полноценного развития и свободного участия, если высшее образование сконструированно исключительно для целей рынка труда. Поэтому следует осознать и признать, что высшее образование создаёт гражданина, а не только работника».

Грузия: от катастрофы науки и образования к новым возможностям реформ

Тамаз Марсагишвили, заместитель министра образования Грузии, в начале своего доклада отметил, что «обмен опытом в этой области для нас всех очень важен вне зависимости от того, есть позитивные результаты или отрицательные результаты, чтобы не наступать на те же самые грабли еще раз».

Грузия после 2003 года сразу начала двигаться в сторону ЕС и в Болонский процесс вступила уже в 2005 году. По мнению Тамаза: «Что происходило до этого, думаю, лучше не описывать — ничего хорошего не происходило, планомерно все рушилось само по себе. Благополучно рушилась система образования, система науки, потому что никто ничего не финансировал. Под названиями университетов появились, извиняюсь за высказывание, какие-то забегаловки, которые выдавали дипломы, что позволяло молодежи не служить в армии. Другого назначения у них не было, потому что знания они не предоставляли».

К концу 1990-х несколько энтузиастов решили всё-таки проверить уровень грузинских университетов. При министерстве удалось создать группу экспертов, которая когда начала изучать эти «так называемые университеты». Результат оценки был катастрофический, но в то время власти Грузии практически ничего с этим не делали. Только после революции и выборов 2003 года Грузия начала двигаться в сторону европеизации системы образования.

С 2005 года началась последовательная имплементация болонских стандартов. Формально все требования Болонского процесса были перенесены в законодательство, но процесс реализации оказался не таким простым. По мнению докладчика, в процессе реформ «действовал очень простой принцип, известный еще сто лет: «для друзей - всё, для остальных — закон». Для положительно настроенных университетов никто не требовал жестких регламентов и на бумаге всё выглядело прекрасно. Но зато если университет позволял себе лишние вольности, то можно было проверить и оказалось бы, что не все их регуляции соответствуют Болонскому процессу».

Не лучше обстояли дела и с введением студенческого самоуправления. Создавались студенческие самоуправления, которые напоминали худший вариант комсомольских комитетов: деньги тратились, но в результате ничего не делали. Это справедливо начало вызывать возмущение студентов, но, к сожалению, длится и по сегодняшний день. Студенты проявляют свою активность в том числе протестуя против таких форм самоуправления: «со своими голодовками, требованиями политического характера и т. д.».

Не все стандарты, которые предусмотрены Болонским процессом, в Грузии были внедрены. 3 этапа образования, а также кредитная система была передана целиком, что, в общем-то, было хорошо. К 2007 году экономика Грузии показывала очень высокие проценты роста. Но на самом деле оказалось, что если в 2003 году соотношение нашего экспорта и импорта было 1 к 2, то уже к 2007 это стало 1 к 6. Невзирая на то, что грузинская система образования якобы готовила специалистов, их применение в экономике все более и более сокращалось и не было видно, что они вносят какой-то вклад в развитие страны. С 2007 года начались массовые выступления

с разгоном, с применением оружия и силы со стороны полиции и войск и рейтинг правительства начал резко падать.

В 2012 году с новыми выборами произошла смена власти. Первое, что было сделано в рамках системы образования: начали реально внедряться те стандарты и те требования, которые были нужны, чтобы студенты прибывали в университет не для того, чтобы вносить деньги в бюджет университета, а получали бы образование.

До этого формально все эти структуры существовали: была закреплена автономия университетов, была аккредитация программ. Но на бумаге была одна программа, а в реальности — совершенно другая. Постепенно уровень образования падал и это особенно ощущалось, когда молодой человек приходил в сферу научной работы. Фактически, только с 2013 года началось реальное внедрение стандартов: «Университеты входили в Европейскую ассоциацию университетов, мы стали членами всех тех организаций, где должны были реально находиться, и постепенно все-таки начали менять внутреннюю структуру и регуляции. На сегодняшний день все формальности — они соблюдены. Всё, что касается аккредитации программ, тоже соблюдены, всё поднято на нужный уровень», - отмечает замминистра образования Грузии.

Главная проблема сегодня — это загрузка подготовленных кадров для страны. Болонский процесс предлагал интеграцию высшего образования и научных исследований. Но под видом благополучного создания Болонского процесса тихо уничтожалась научная часть, что гарантированно не могло обеспечить высокое качество образования. В 1991 году в Грузии было свыше 200 исследовательских институтов. Многие финансировались из союзного бюджета и, естественно, закрылись. И в результате в 2005 году начали делать реформу науки, из Академии наук вывели все научно-исследовательские институты, она была дезинтегрирована. В результате в 2010 году увидев, что уровень образования продолжает падать, а научные исследования практически никого не интересовали. Уцелевшие институты решили перевести в вузы, потому что с точки зрения Болонского процесса в этой области ничего хорошего не происходило. Оставшиеся 42 института к тому времени распределили по 4м университетам. К тому времени число научных сотрудников в этих институтах очень сильно сократилось, потому что зарплату им не меняли, ну а главное по закону закон о научно-исследовательских институтах регулировался одним государственным законом, а университеты — другим. После такой реорганизации все ученые оказались обслуживающим персоналом, невзирая на научные степени. Молодежь это, естественно, не устраивало и ее приток в науку фактически прекратился. Это то, что досталось в наследство к 2013 году.

Стало очевидно, что если не изменить законы о высшем образовании и закон о науке, технологиях и их развитии, то такая система очень скоро полностью уничтожит научно-исследовательскую часть Грузии. И это происходило на фоне того, что мы дружно двигались в сторону Евросоюза, декларировали, во всяком случае, на всех этапах и вы прекрасно знаете, что с 2000 года, после Лиссабонского саммита ЕС официально строит экономику и общество, основанные на знаниях. У нас происходила срочная деиндустриализация и любые проверки результатов по науке показывали отрицательный рост, то есть разрушение. В 2013 году мы создали активную группу по переработке 2х основных законов: о высшем образовании и науке, технологиях и их развитии. Парламент все эти изменения внес и к концу 2015 года эти законы вступили в силу. Теперь существует очень сложная процедура, которую теперь надо пройти каждому институту.

К сожалению, деньги, которые в Грузии выделялись на науку, - это 0.15% ВВП, — катастрофически мало. На этом фоне произошло радикальное изменение подхода к науке со

стороны самих ученых. Большинство ученых прекрасно осознали, что спасение утопающих — дело рук их самих. И те мощные коллективы, которые всегда были, перешли фактически на международное финансирование. За это небольшое время свыше 500 международных проектов было осуществлено грузинскими учеными, которые показали реальный рост. Если сегодня у университетов есть рост показателей по поводу их рейтинга и они начали входить в какие-то сотни или тысячи, то это только за счет тех исследовательских институтов, которые были присоединены к ним

Мы прекрасно понимаем, что высшее образование — это основа для развития науки. Если ЕС движется к обществу, основанному на знаниях и показывает устойчивый рост, то только благодаря тому, что даже частные предприятия имеют шанс (это начиная с 7ой рамочной программы) получить финансирование, грант на внедрение современной инновационной технологии. Это уже в Грузии осуществляется с прошлого года. Если выпускается инновационная продукция, то государство около 50% вносит в формирование и развитие такого предприятия. Суммы пока небольшие, но это первая ласточка.

В заключении я хочу сказать, что мы прошли эту дорогу за последние 2 года очень тяжелую, интенсивную, потому что надо менять ментальность людей, и университетов, и ученых. Главное — чтобы они видели возможность прогресса и особенно молодежь, чтобы у них был бы шанс получить нормальное высшее образование. У нас сегодня очень много контрактов со многими университетами и я приведу только один — с университетом Сан-Диего 3 грузинских университета оформили контракт на обучение в Грузии по программе этого университета и они получают 2 диплома: университета Сан-Диего и соответствующего грузинского университета. Это очень удачная программа для нас, потому что тот уровень при аккредитации программ, который мы позволяли себе втихомолку опускать ниже любого приемлемого, здесь не работает, поскольку как профессора, так и проверяющие комиссии, - из университета Сан-Диего и это уже дает первые плоды. У нас появились реальные надежды, что можно за счет реальной конкуренции исправить ситуацию. На чем основана эта конкуренция: мы предлагаем альтернативу молодому человеку. Если он хочет получить качественное образование, может обращаться сюда. Правда это платно, но у нас есть государственная поддержка бакалавров, если молодой человек желает учиться в целом ряде стран. Это сегодня порядка 900 студентов и мы собираемся это расширять. В магистратуру у нас тоже введен единый экзамен и по показателям экзаменов мы принимаем в магистратуру. Если какой-то минимальный уровень у молодого человека отсутствует, ему бессмысленно заниматься в магистратуре, такие фиктивные дипломы стране уже не нужны. Ну и, наконец, докторантура. У меня была возможность всю жизнь работать с аспирантами, и они успешно защищали диссертации. К сожалению, те законы, которые были приняты в 2005-2010 годах эту возможность исключили: доктор наук не имел право быть руководителем докторанта или магистранта. Проведенная тогда реформа отрезала всю научную часть от подготовки кадров. Это было чисто экономическим решением, потому что университет не хотел расставаться с теми деньгами, которые приходили с каждым студентом. В новой редакции законов мы внесли нормальные поправки: теперь в научно-исследовательском институте магистрант может проводить свои исследования и это засчитывается как кредит. И докторант наконец может не на партизанском уровне, а на реальном, нормальном, законном уровне получать образование, проводить свои исследования, защищать диплом доктора наук.

Армения: формализация процесса реформ

Ара Недолян, представитель Ереванской школы методологии и игротехники, обратил внимание на институциональной стороне процесса реформирования.

«Если посмотреть на реформы образования в Армении со стороны общества, со стороны основного заказчика образования, то мы обнаружим, что хотя Болонские реформы формально в Армении проводятся уже на протяжении 11 лет, основные их результаты не достигнуты. Достигнута ли автономность университетов? Нет она не достигнута. Достигнуто ли студентоцентрическое образование? Нет, оно не достигнуто. Достигнуто ли совмещение науки и образования? Нет, оно не достигнуто, поскольку по-прежнему существует в неприкосновенности советская система, когда университеты — отдельно, Академия наук — отдельно. Существует ли связь бизнеса, рынка с системой образования? Здесь кое-какие подвижки есть, однако не всегда они носят позитивный характер, поскольку бизнес часто стремится к упрощению образования и лишению его фундаментальных качеств в пользу прикладных.

С другой стороны, формальные критерии Болонской реформы как-то соблюдаются, существует бакалавриат для всех университетов, магистратура, PhD, студенты получают баллы, их квалификации более-менее признаются в Европе. Им не трудно сейчас продолжать образование в европейских университетах, что является очень позитивным явлением, но ни коем образом не свидетельствует о состоявшейся реформе образования. Если мы посмотрим на то, что такое Болонская реформа образования, то кроме ее на административном горизонте видимого, ясного смысла — это создание универсальности квалификаций — мы можем заметить, что она является также попыткой реформы образования вообще. Попыткой реформы образования, исходящей из резкого изменения цивилизационных общественных условий. И в наших странах к этому добавляется еще одна реформа — это реформа перехода от союзного, советского государства к национальному демократическому. Таким образом у нас происходит транзит к европейскому образованию, которое находится в ситуации Болонского транзита, и мы должны осуществить еще национальный транзит — это транзит в квадрате.

Любые Дорожные карты, которые мы можем составлять, обязательно должны учитывать эту двойную сложность процесса. Сложность еще и в том, что когда в европейском контексте говорится о реформе системы образования, то там такие вещи, как автономия университетов, существуют сотни лет. Когда в Болонской системе говорится о большем участии общества в жизни университета и подотчетности университетов обществу, то под этим обществом понимаются очень конкретные вещи, очень конкретные состоявшиеся институты и конкретная состоявшаяся система принятия во внимание общественного мнения. Когда говорится о сопряжении университетов с бизнесом и рынком, то институты этого бизнеса и рынка также ясно видны мысленному взору тех, кто подписывал Болонскую декларацию.

В наших обществах ситуация другая, в наших обществах одновременно должны состояться вот эти общественные институты (и в том числе институты бизнеса), состояться в сфере образования, и тем самым сделать это образования состоятельным. Какая основная решаемая задача и в Болонской реформе, и в наших национальных реформах? Это попытка преодоления того разрыва, который существует между университетом и жизнью, если очень грубо говорить. Есть такая проблема, что сейчас уже существует радикальный и где-то маргинальный взгляд, что дисциплинарное образование вообще не нужно. Что самообразование или образование по частному какому-либо направлению вполне может уже заменять общее дисциплинарное образование. Этот взгляд сейчас является, конечно, маргинальным и крайним, но неизвестно, как будут обстоять дела лет через 20. И у нас, в наших обществах проблема разрыва между образованием и жизнью также является двойной, то есть разрыв между образованием с одной стороны и проблема того, что жизнь неизвестно из каких институтов и из каких образований у нас состоит. То есть реформировать систему образования как таковую в наших условиях — это значит одновременно создавать то, что реформируется, то есть систему образования, систему

университетов, и одновременно создавать заказчика этих реформ, то есть ту, условно говоря, жизнь, которая требует этих реформ.

Очень сложно дифференцировать в данном случае позиции, поскольку требования к образованию исходят сразу из ряда источников. Нам известны наиболее выпуклые, поскольку это требования бизнеса и рынка, но они также крайне противоречивы внутри. Однако существует также ряд других позиций. Это позиция гражданского общества, которое требует формировать гражданина. Это множество противоречивых культурно-национальных позиций. Это позиция государства как правительства, которое требует может быть гражданина, может быть подданного (в зависимости от сорта этого государства). И существует ужасное синкретическое смешение всех этих требований в отсутствие ясно выраженных институционализированных субъектов, которые способны предъявлять те или иные требования и которые способны эти требования согласовывать между собой. В условиях этой смешанности позиций, неманифестируемости, невыраженности, фактически имеет место ситуация коррупции.

Коррупцией я в данном случае называю применение принципов действия одной сферы в другой. То есть, например, неправомочное применение принципов действия экономики в политике — это наиболее известный вам случай коррупции, но также случаи культуры в экономике, экономики в культуре, также политики в экономике, политике в культуре. Всё это случаи коррупции, которые вызваны недифференцированностью и неинституционализированностью позиций. Таким образом, когда мы говорим о необходимости реформы образования, мы обязательно, как в зеркале, сразу видим необходимость реформы или точнее создания вообще дифференцированного и институционализированного гражданского общества, включая в себя институты бизнеса. Если все эти позиции в советское время были в компактной форме, тоже недифференцированы, но компактно сосредоточены в составе так называемого правительственного руководства, которое определяло, каким можно быть образованием, то в постсоветский период эти позиции так же компактно провалились внутрь университета — университет был предоставлен сам себе и пытался внутри себя недифференцированным образом содержать все эти позиции. Думаю, что целесообразный способ действия — это вывести данные позиции как из состава руководства, так и из состава самого университета, в состав гражданского общества. То есть система существования элементов гражданского общества внутри университета и снаружи университета и институциональное взаимодействие между ними.

Институциональность — это не значит быть зарегистрированным в Министерстве юстиции, а значит иметь собственные нормы, критерии и правила. Что можно предложить на практике? Очевидно, что проблема центра воли существует, что рутинный процесс может длиться годами и десятилетиями и не приводит, не вест к реальному реформированию системы образования. И в то же время, что мы видим из практики этих 10-15 лет реформ: что наличие воли, я бы даже сравнил ее с активистской волей, к манифестированию каких-либо определенных правил, принципов, комплексов, отношений обязательно ведет к результату. То есть она ведет к появлению, может, в каком-то смысле к скандалу, к появлению контр позиции, дифференцированию этих позиций, что чрезвычайно важно и является первоочередной задачей.

Таким образом можно предложить 3 вещи. 1 — внутри наших обществ, имеющих двойной транзит, какая-то попытка союза между теми университетами, теми организациями, которые продемонстрировали именно такой активистский подход к реформе образования и сумели добиться каких-то манифестированных результатов, сумели манифестировать какие-то позиции. Это сложно, поскольку наши общества все более и более расходятся в плане своего

дальнейшего развития, но это и легко, поскольку все-таки имеется какая-то ментальная общность, которая позволяет создать и поддержать такую связь. 2 — это средний союз, это союз постсоветских и восточноевропейских университетов. Здесь также можно основываться на некоторой связи, истекающей из общего опыта, из общего прошлого и из существующей ментальной связи. Здесь можно, например, применять такой метод, как выборочное признание PhD друг другом. То есть какая-то средняя система признания, учитывая, что исторически так и было: университеты на доверии к друг другу начинали признавать квалификации друг друга, то есть построение этого доверия заново между нами возможна как система интерференции реформ. И 3 — следует обратить внимание, что Болонская система является одной из крайне немногих оставшихся в мире инклюзивных систем, которая включает Европу и страны бывшего СССР. И, таким образом, здесь существует также политическая перспектива снять конфронтацию, которая существует между Европой и странами так называемого Евразийского направления, оставить одну из последних инклюзивных систем как систему возможного мира и сотрудничества.

Но самое важное в том, что любая реформа — это способность заключить союз людей вокруг какой-либо деятельности, то есть союз именно неформальный, именно инициативный. И там, где это будет сделано, будет ли это сделано в национальных рамках, будет ли это сделано в рамках каких-то общностей, которые я перечислял, по-моему только там возможно какое-то реальное неформальное движение по пути именно к конечной цели — реформе образования».

Азербайджан: противоречие реформ и финансирования образования

Парвиз Багиров, руководитель национального офиса Erasmus в Азербайджане акцентировал внимание на вопросе стоимости реформ.

«В Азербайджане 53 вуза, частные и государственные почти 50/50. 4 года спустя вхождения в БП (2005) в 2009 мы приняли новый закон об образовании. Это закон ввёл европейскую систему кредитов, 3х ступенчатую систему образования и приложение к диплому.

Однако нужно обращать внимание на затраты, которые неумолимо возрастают при попытках реформ. При всем том, что Азербайджан — достаточно богатая страна, на протяжении последних 25 лет нефтедобыча и различные энергоресурсы страны позволили нам поднять уровень нашего ВВП. До 1990 года в СССР финансирование на каждого студента составляло приблизительно 500 \$. Сразу после распада СССР эта сумма упала до 27 \$. Сейчас за 25 благосостояния эту сумму удалось поднять до 200 \$. Можете себе представить, с какого рода трудностями сталкивается государство, при всём при том, что на протяжении уже довольно длительного времени процент от ВВП составляет даже больше 3 %. То есть при том, что ВВП — 170 млрд.

Конечно есть и другие нюансы, которые нужно учитывать. Наследие советской системы образования предусматривает гораздо большее количество учителей и учительского состава, чем нужно в принципе. Но когда мы говорим о реформах, очень часто встает вопрос: по какому пути идти? Нарастивать всё больше финансовую сторону, чтобы поддерживать то, что есть, или просто кардинально уменьшить преподавательский состав, ввести жесткие реформы, которые проходят в некоторых странах — в той же Прибалтике? Это трудности, которые, я думаю, есть во всех странах — как поступить. Денег много не бывает, как мы знаем, при всем при этом Азербайджан до сих пор находится в состоянии войны. Понятное дело, что в этих условиях ВВП в первую очередь тратится для наращивания военного потенциала, но вместе с тем нужно как-то пытаться настроить и образовательную систему таким образом, чтобы они

приносила оптимальный результат. Как это сделать? Ответ частично в Болонском процессе — государство активно пытается принять на вооружение все то, что можно принять, потому что всё принять невозможно. Активно исследуется опыт стран как в Европе, так и в Америке и Азии, что-то прививается, что-то нет».

Беларусь: а были ли вообще реформы?

«Беларусь в Болонский процесс вошла в 2015 году последней из стран Восточного партнерства, и долго это черное пятно в центре Европы выглядело достаточно вызывающе», - начала свое выступление эксперт Агентства гуманитарных технологий (Минск) Светлана Мацкевич.

Беларусь вошла в Болонский процесс с определенными условиями проведения реформ. Однако стоит поставить вопрос: а были ли вообще реформы образования в Беларуси до это? Какие очевидные факты можно точно зафиксировать применительно к Беларуси?

Во-первых, в начале 90-ых годов были созданы интеллектуальные центры в системе образования Беларуси, это Республиканский институт высшей школы, Академия последиplomного образования, Республиканский институт профобразования и ряд других институтов. Перед этими институтами ставилась задача — разработка основных идей в области реформирования образования, т.е. разработка переходного этапа в новой исторической ситуации независимой страны. Что же в итоге произошло?

- 1) Произошла определенная **сегментация рынка образовательных услуг**, мы получили не только государственное образование, мы получили частное образование: хоть и маленькие сегмент образовался, но он есть.
- 2) Мы **получили и четко выделили систему неформального образования**. Эта система неформального образования, которая на тот момент действительно создавалась и отделялась от систем государственного образования, на сегодняшний день является нашим своеобразным спасением.
- 3) За более чем 20-летний период, с большим трудом, но был **сформирован общественный фокус управления образованием**. Долгое время образование управлялось только со стороны государства, но после того, как был создан Общественный Болонский комитет, Национальная платформа гражданского общества и т. д., мы получили действительно действующий общественный фокус управления образованием. Другой вопрос, насколько он сильный, на сколько это действительно влияет на принятие управленческих решений.
- 4) Мы имели достаточно **большой объем управленческих решений** со стороны Министерства образования и правительства: были приняты различные концепции, 5-летние программы, стандарты, осуществлена система централизованного тестирования, система мониторинга качества. Однако, несмотря на то, что решения в этом направлении принимались, всё это делалось не в рамках осмысленного реформирования образования. Вместе с тем образование столкнулось с естественными тенденциями массовости и Беларусь успешно с этим справилась. Хотя, в отличие от своих украинских коллег, мы можем констатировать, что в Беларуси не шло такое резкое увеличение количества университетов, но шло определенного рода формальное переименование институтов в университеты.

Что на сегодняшний день можно констатировать относительно полученных результатов, что мы получили от этих действий, не вступая в Болонский процесс? Мы получили: достаточно

сильно **формализованную систему образования**, мы получили **снижение качества образования**, мы имеем на политическом уровне **преобладание в основном рыночной аргументации** и мы получили **отсутствие как такового академического сообщества** - мы имеем наемные трудовые коллективы в университетах. Если делать краткие выводы, то реформ как таковых не было, про реформы говорилось, реформы имитировались, но реформы собственном смысле этого слова не произошли. В начале 90-ых годов интеллектуалами в области образования реформа рассматривалась как система гуманитарных технологий, позволяющая действительно принять вызовы современности и достигать целей перемен. В этом случае изменение системы менеджмента образования рассматривалась как управление переменами (и этого как раз не произошло), а не как формализованная, жесткая система управления (и это то, что мы получили).

Сегодня жесткий государственный фокус управления достаточно эффективно имитирует процесс реформ. Его основная аргументация, почему мы не должны ничего делать в системе высшего образования, - это то, что мы его и так уже «отреформировали». То есть под видом реформам пытаются подать даже простейшие действия (перевод на 10-бальную систему оценки знаний, введение кредитов) — это всё тоже начинает рассматриваться как реформы. С экспертной позиции это нельзя рассматривать как реформирование образования, потому что это не достигает сущностных задач.

В Беларуси накоплен достаточно высокий интеллектуальный потенциал предложений в области реформирования образования. Но, к сожалению, этот интеллектуальный потенциал не может реализоваться на сегодняшний день. Помимо идей требуется определенная политическая воля, требуется определенная совместная коллективная стратегия развития. И если идеи есть, то совместной стратегии развития как таковой до сих пор нет. Мы имеем 2 разделенных фокуса управления — государственный и общественный, но диалога между ними не существует. Главная проблема в образовании — это не только политическая воля, но и наличие субъектов развития, тех субъектов деятельности, которым интересна реформа, которые заинтересованы в том, чтобы что-то происходило. И в отличие от наших украинских коллег, где все политические партии претендуют на свою версию развития системы образования, в Беларуси в этом плане все достаточно печально. Потому что практически ни одна партия не заявляет в своих программах какого-то направления в области развития образования. Основным субъектом развития образования является экспертное сообщество и представители гражданского общества, но их уровень сформированности — это очень большая проблема.

Кроме того, существует гуманитарный ценностной конфликт между разными системами образования. Между постсоветской системой, несущей на себе советский образ жизни и системой, которая направлена на изменение, европеизацию Беларуси, на ее включение в европейское пространство. Этот конфликт существует и именно в Беларуси он проявляется очень ярко, но он не имеет ясных механизмов его разрешения. Все предложения упираются в то, что мы должны искать новые механизмы диалога, но пока несмотря на поиски, в целом конфликт не разрешается.

Помимо ценностного конфликта мы имеем игру, которую начинают проводить те субъекты, которые заинтересованы в развитии образования, и которые не согласны во многом с той политикой, которая проводится правительством. Сегодня есть кейс Общественного Болонского комитета, когда фактически именно он, больше всего заинтересованный во вступлении в Болонский процесс, в 2012 году заблокировал вступление Беларуси в Европейское пространство высшего образования. Причем заблокировал по ценностным основаниям — не по технологическим, не по техническим, а по ценностным. Говорилось,

что существующая система управления образованием в Беларуси не готова принять от Европы это самое важное и самое сущностное - ценности академических свобод, автономии, студенческого самоуправления и т. д.

Мы имеем особый кейс Летучего университета, Белорусского колледжума и других альтернативных попыток создания образовательных систем вне государственной системы высшего образования. И, как мне кажется, это тоже определенный вызов государственной системе образования, потому что именно сейчас в этой области сосредоточен практически основной прогрессивный интеллект. Беларусь в этом плане выбирает особый, специфический путь противостояния. Обычно, когда мы говорим про Болонскую систему, мы обсуждаем стандарты и технические показатели. Но очень редко обсуждается содержание образования. К сожалению, мы имеем измененное содержание образование, но насколько оно изменилось, как оно изменилось, что сейчас транслируется в вузах, какая система ценностей, насколько она современна или нет? Таких исследований мы не проводим, но просто на уровне ощущений можно зафиксировать, что да, система содержания образования изменилась, и это надо обсуждать на уровне целеполагания, на уровне разработки новых миссий и стратегий образования. Кроме того, в результате неудавшихся, непонятных недо-реформ мы имеем измененную социальную структуру внутри университетов, особенный уровень чиновничества, особенный уровень послушания, коррупции и т. д. И, к сожалению, через систему Болонских показателей не удается четко схватить эти проблемы. В современном мире действительно происходят радикальные изменения социальной структуры, и на уровне исследований часто не удается схватить очень многие существенные изменения на пространстве между Европой и территорией постсоветского пространства

Основной вывод, который можно сделать, Болонская система на сегодняшний день — это гуманитарный вызов для стран постсоветского пространства. Она проблематизирует существующий порядок, но четко сказать о том, что именно Болонская система поможет выйти на путь развития сейчас нельзя. Болонская система, наверное, не является на сегодняшний день реализационным механизмом разрешения содержательных, экономических и внутристрановых национальных проблем. Это связано и с особой спецификой постсоветских пространств. Совмещение современных вызовов времени, глобальных вызовов, с той геополитической спецификой, с которой сталкиваются наши страны — это требует определенного осмысления и оценки.

Что будет? На мой взгляд, возможны только 3 варианта. 1 — если мы не принимаем вызовы времени и не начинаем реформ, то Беларусь остается отсталой развивающейся страной, вечно в центре Европы, и это черное пятно как было таким и останется (вне зависимости от того будет Беларусь в Болонском процессе или нет).

2 — Беларусь создает в локальном варианте свой вариант развития образования, то есть гордо говорит о том, что мы идем своим путем.

3 — Беларусь полностью принимает стандарты БП и вместе с тем применяет глобальные вызовы, пытается их разрешить в рамках международного сотрудничества, но спрогнозировать результативность этих процессов очень сложно.

«Я все равно являюсь сторонником 3 сценария развития, - сказала Светлана Мацкевич, - потому что именно на этом пути мы можем изменить не столько структуру образования, не столько принять или не принять кредиты, увеличить свои финансовые фонды, но через это мы можем освоить совершенно другую систему социальных отношений, социально-политических отношений. Это для нас вызов: мы можем или создать новые европейские

институции в системе образования или их не создать. И поэтому Беларусь сейчас снова находится перед выбором, и этот выбор не чисто формальный — вступить или не вступить в БП, а выбор содержательно-ценностной и стратегический».

Болонский процесс и страны Восточного партнерства: возможна ли общая повестка дня?

Андрей Егоров, директор Центра европейской трансформации: «Подводя некоторое обобщение сказанному выше можно заметить, что во всех наших странах произошло формальное принятие Болонских стандартов. В то же время, само по себе это принятие не дает возможность реализовать реформы в их полноте, потому что есть субстрат, который сопротивляется реформам: есть сопротивление в ценностях, в академическом сообществе, в отсутствии национальных субъектов, способных взять на себе ответственность за реформы. Кроме того, часто в процесс реформ вмешивается политика: во всех странах по-разному, но политические противоречия сильно вредят образовательным реформам, делая их непоследовательными, разрывными, манипулятивными и т. д. Следующее — это затраты и проблемы с финансированием, которые просто не имеют какого-то внятного решения нигде, и это приводит иногда к трагическим последствиям, например, как это рассказано на примере Грузии в науке. Ну и также очень странно, что очень непоследовательно реализуется внутринациональная идея или национальная концепция развития образования. За Болонские стандарты хватаются некую кальку реформирования, но она формальна и, сама по себе, не несет национального содержания, в ней нет того, что что давало бы «драйв», мотивацию к реализации реформам и действительным преобразованиям в системе высшего образования. И получается, что Болонский процесс признается как нечто хорошее, но сами по себе Болонские стандарты не могут служить заменой реформам образования».

Сегодня требуется более тщательный анализ и рефлексия произошедших изменений. С одной стороны, очевидно есть серьезные проблемы, а с другой стороны та динамика, которая есть в некоторых странах (Украина, Грузия) в последние два года очень обнадеживает.

Кроме того, Болонский процесс и внедрение его стандартов ведет к более глубокому пониманию странами, что же реально нужно менять в системах образования. Как отмечает Парвиз Багиров: «Например, в Азербайджане годы становления на путь болонских реформ позволили осознать, что требуется стране, в какой ситуации она оказалась. Болонский процесс, как ошибочно полагают многие, и особенно поначалу, не является панацеей для решения проблем. Он и не может ей являться, потому что даже в самой Европе до сих пор идет очень серьезная критика БП (в той же Германии). На сама деле цель БП как составной части политики добрососедства ЕС — это сближение стран для понятия того, что нам реально нужно. И очень интересный результат был, когда мы начали двигаться по тому пути: это сблизило нас самих внутри своей страны. То есть университеты, которые работали в консорциуме с европейскими вузами, в первую очередь начали активно общаться с такими же университетами в своей стране: из регионов, в одном городе. Это все позволило нам лучше понять проблемы и их решение. Не обязательно в контексте БП, а именно понять, что нам нужно».

Болонский процесс способствует интернационализации, и это, в том числе, позволяет стимулировать изменения на национальном уровне. Тамаз Марсагишвили замечает, что в Грузии «в прошлом году нам удалось увеличить финансирование науки в 3 раза, мы профинансировали в полном объеме все требования институтов по закупке оборудования. У нас создана специальная комиссия по реформированию инфраструктуры. И это все благодаря тому, что когда мы говорим на международном уровне, поэтапно, в рамках возможностей

нашей экономики это надо делать. В этом смысле Болонский процесс - хороший зонтик, который позволяет работать довольно оптимистично в сторону движения к ЕС в образовании, коммуникации, интернационализации, поскольку сегодня работать в одиночку нельзя, да и раньше было невозможно. Земной шар стал маленьким, потому что в течение суток его можно облететь со всех сторон, а это очень существенно, поскольку дифференциация и внедрение новых технологий сегодня без унифицированных неких простых вещей невозможна. И это один из ключевых моментов, когда мы должны реально посмотреть на вещи и внедрять то, что в рамках национальных интересов оттуда можно уже перенять. Всё остальное будет расписано и со временем мы все равно будем двигаться в нужном направлении. Просто как всегда, в консервативной системе, есть огромная, инерционная масса. Настолько большая, что сдвинуть ее с места вот так просто невозможно».

Многие докладчики, отмечали что страны Восточного партнерства могут использовать потенциал разнообразного опыта стран, не только говоря про интернационализацию и связь со странами ЕС, но и друг с другом.

Ян Садлок, один из «отцов» Болонского процесса, президент Международной обсерватории по академическому ранжированию и превосходству IREG Observatory, бывший директор Европейского центра высшего образования (ЮНЕСКО-СЕПЕС, 1999-2009) и руководитель Департамента политики в области высшего образования ЮНЕСКО, г.Париж (1992 – 1999), заметил:

«Если вы посмотрите на текст Болонской декларации и ее преобладающую цель, то это создание европейского пространства высшего образования. Т.е. цели не обязательно были экономическими. Тот факт, что в создании участвовала Еврокомиссия (не с самого начала), был связан с необходимостью вовлечения свободного движения знаний в контексте важности инноваций не только внутри ЕС, но и на других территориях. Поэтому девиз Болонского процесса - "свободное движение знаний" знает больше, чем что-либо другое. Но знания подразумевают и экономическую вовлеченность, и подразумевают систему ценностей. И я бы хотел не потерять этот элемент другого. Я очень ценю ваши доклады по Восточному региону и надеюсь, что Болонский процесс является единственным вариантом. Существует риск, что государство может думать, что БП - это Троянский конь, который хочет уничтожить существующую политическую систему. Но моим главным аргументом было «послушайте, это же процесс на волонтерской основе (добровольно)».

В то же время я не могу отрицать, что необходим процесс включения в других аспектах, которые, возможно, не видны, такие как академические ценности и т.д. И одна вещь, которую мы всегда говорили (те, кто были вовлечены в обсуждения Болонского процесса). Болонский процесс - это не *à la carte* (как пожелаете), вы не можете взять (осуществить) только ECTS и больше ничего другого. Это очень логично, но в то же время это ценностно-насыщенный (*value-loaded*) процесс, за который также надо брать на себя ответственность. Как бы не были важны инструменты, это не технократический, а культурный процесс, который очень важен из-за многих причин. И это не эгоистичный процесс. В определенном момент мы подчеркивали внешнюю важность Болонского процесса. Всегда есть позитивное влияние на тех, кто формально не принимает участие из-за многих причин. У вас у всех захватывающие истории, но они также отражают различные обстоятельства причин и следствий, которые имели место: развал СССР, одна идеология и т. д. Я бы сказал вы отражаете часть нашего европейского существования после 1989. И это очень захватывающие и очень разные истории».

Влад Величко, со-председатель Руководящего комитета Форума гражданского общества Восточного партнерства: «Хотел бы поблагодарить всех спикеров за очень критическое отношение к тому, что происходит в ваших странах. Мне кажется, что это очень правильное настроение и может быть даже оно сверх-критично, но это идет на пользу. Я хотел бы сделать замечание по поводу ряда факторов, которые влияют на процесс реформ, и в частности вернуться к вопросу о гражданском обществе. У меня такое наблюдение: то место и та роль, в которой гражданское общество проявляет себя в этих отношениях — политических, стейкхолдерских, профессиональных — скорее является некой лакмусовой бумажкой тех ниш, дыр, которые существуют в отношениях вокруг реформ высшего образования в той или иной стране. В одних странах гражданское общество пытается вступить в вопросы управления, лоббирования, продвижения каких-то важных для них интересов стейкхолдерских, в других случаях, как в Беларуси, гражданское общество создает некие альтернативные проекты. Роль гражданского общества как индикатора в данном случае мне показалась достаточно интересной».

Тамаз Марсагишвили, заместитель министра образования Грузии: «Гражданское общество должно обязательно принимать участие, и у нас, в Грузии, это происходит, мы пытаемся во всех советах, которые обсуждают кандидатуры на выдвижение на руководящие посты тех организаций, которые контролируют качество образования, обязательно использовать их мнение. Вы знаете, что были созданы Национальные платформы в тех 6 странах, которые идут по пути развития в сторону ЕС, в Грузии это состоит из 4 групп NGO, я состоял 3 года в одной из них до прихода в Министерство. Это была энергетика и экология, у нас есть и по экономике, и отношения между нациями и политическая, которая объединяет именно движение вперед, поэтому гражданское общество должно принимать активное участие, без него реального прогресса не будет».

Тарас Фиников, Президент Международного фонда исследований образовательной политики и экс-заместителя Министра образования Украины первое десятилетие независимости Украины (1991-2001): «Мой комментарий очень прост. В Украине сейчас есть отчетливая линия на то, чтобы представители гражданского общества попадали во все сколько-нибудь влиятельные структуры. Эта линия видна в системе образования через всю совокупность органов, которые принимают решения. И мне кажется, что если это будет продолжаться так, мы в каком-то обозримом будущем придем к тому, что может называться механизмом государственно-общественного управления. Это тот наш идеал, к которому мы стремимся».